JN6515
1730
.B6
WILSON
ANNEX

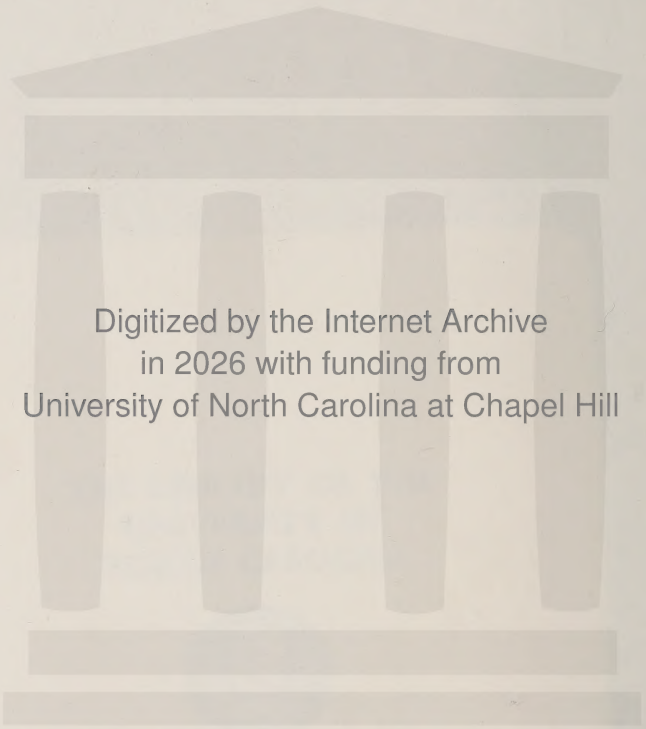
KONSTITUTSIONNOE DVIZHENIE 1730 g.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

JN6515
1730
.B6

OCT 15 1973
MAY 30 1974
DEC 10 1974
OCT 29 1976



Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/konstitutsonnoed00bogo

Библіотека „СВОБОДНАЯ РОССІЯ“, № 18.
Подъ общей редакціей С. П. Мельгунова и П. М. Шестакова.

JN6515
MC 1730
.B6
И Рыба
M. M. BOGOSLOVSKIĬ

М. М. Богословскій.

KONSTITUTSIONNOE

Конституціонное движеніе 1730 г.

DVIZHENIE 1730 g.

Изданіе Е. В. Кожевниковой и
Е. А. Коломійцевой.

Библиотека
Ивана Феодотовича
РЫБАКОВА
МОСКВА № 130.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., соб. домъ.
МОСКВА—1906.

Дозволено цензурою. Москва, 13 марта 1906 г.

I.

Въ ночь съ 18 на 19 января 1730 года въ Москвѣ, въ Лефортовскомъ дворцѣ, скончался молодой императоръ Петръ II, незадолго передъ тѣмъ простудившійся на крещенскомъ парадѣ и заболѣвшій оспой. Съ нимъ пресѣклась мужская линія дома Романовыхъ, и престолъ долженъ былъ перейти въ одну изъ женскихъ. Скончавшійся императоръ не оставилъ никакого указанія на то, кто долженъ былъ быть его преемникомъ, и рѣшать вопросъ о престолонаслѣдіи здѣсь же, въ Лефортовскомъ дворцѣ, собрался верховный тайный совѣтъ. Въ эту ночь онъ засѣдалъ въ составѣ восьми членовъ; изъ нихъ шестеро принадлежали къ двумъ знатнымъ княжескимъ фамиліямъ Голицыныхъ и Долгорукихъ. То были послѣдніе остатки уходившаго съ политической сцены стариннаго московскаго боярства. Голицыныхъ было двое: извѣстный сотрудникъ Петра Великаго, кн. Дмитрій Михайловичъ, и его братъ, фельдмаршалъ Михаилъ Михайловичъ, командовавшій арміей, расположенной на югѣ Россіи. Долгорукихъ, занявшихъ такое блестящее положеніе при Петрѣ II, было четверо: кн. Алексѣй Григорьевичъ, отецъ нареченной невѣсты императора, съ которою тотъ былъ обрученъ незадолго до смерти; кн. Василій Лукичъ, извѣстный дипломатъ петровскаго времени, кн. Михаилъ Владимировичъ — сибирскій губернаторъ и кн. Василій Владимировичъ — фельдмаршалъ. Къ этимъ шестерымъ присоединялись еще старикъ канцлеръ Головкинъ и извѣстный нѣмецъ, долгое время ворочавшій судьбами русскаго государства, Остерманъ.

Въ собраніи совѣта первенствовалъ кн. Дмитрій Михайловичъ. Возникло нѣсколько проектовъ рѣшенія вопроса о престолонаслѣдіи, съ которыми онъ весьма быстро покончилъ. Заговорили о постриженной въ монахини первой женѣ Петра Великаго, Евдокіи Ѳедоровнѣ — это предложеніе было сдѣлано фельдмаршаломъ, кн. В. В. Долгорукимъ, близкимъ къ Евдокіи и замѣшаннымъ въ дѣлѣ царевича Алексѣя; но ея кандидатура представлялась невозможной, такъ какъ Евдокія была монахиней. Очень робко выступили тогда Долгорукіе съ заявленіемъ объ оставшемся будто бы послѣ Петра II духовномъ завѣщаніи, въ которомъ наслѣдницей престола назначалась княжна-невѣста, Екатерина Алексѣевна Долгорукая. Но кн. Дмитрій Михайловичъ рѣзко оборвалъ ихъ, заявивъ, что это завѣщаніе подложно, и они не протестовали. Поставленъ былъ вопросъ о завѣщаніи императрицы Екатерины I, въ которомъ находилось вполнѣ опредѣленное распоряженіе о порядкѣ наслѣдованія престола. По этому завѣщанію въ случаѣ смерти Петра II бездѣтнымъ права на престолъ принадлежали старшей дочери Петра В., герцогинѣ Голштинской Аннѣ Петровнѣ съ ея потомствомъ, а затѣмъ, въ случаѣ ея смерти бездѣтной, царевнѣ Елизаветѣ Петровнѣ съ ея потомствомъ. Но кн. Дмитрій Михайловичъ не менѣе рѣзко покончилъ и съ этимъ вопросомъ. Онъ открыто заявилъ, что считаетъ завѣщаніе Екатерины незаконнымъ актомъ, потому что она по низости своего происхожденія не имѣла никакого права на престолъ. Ея дѣти, Анна и Елизавета, не имѣли въ его глазахъ также никакихъ правъ на престолъ, какъ незаконныя, рожденныя до брака. По всѣмъ этимъ соображеніямъ князь рѣшительно объявилъ линію Петра I пресѣкшеюся. Оставалось обратиться къ линіи царя Ивана Алексѣевича. Младшая его дочь Прасковья устранялась тѣмъ, что состояла въ морганатическомъ бракѣ съ подданнымъ сенаторомъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ. Старшая была неудобна тѣмъ, что была заму-

жемъ за герцогомъ Мекленбургскимъ, который, по замѣчанію Голицына, былъ „золъ и сумасброденъ“. Наиболѣе удобной показалась кандидатура средней дочери царя Ивана, Анны Ивановны, которая и была единодушно принята.

Едва только состоялось соглашеніе призвать на престолъ Анну, какъ въ верховномъ тайномъ совѣтѣ произошелъ слѣдующій знаменитый разговоръ: „Воля ваша,— сказалъ кн. Дмитрій Михайловичъ,—кого изволите, только надо намъ и себѣ полегчить?“ — „Какъ такъ себѣ полегчить?“ спросилъ кто-то изъ присутствовавшихъ. „Такъ полегчить, чтобы воли себѣ прибавить“, отвѣчалъ Голицынъ. Кн. В. Л. Долгорукій выразилъ по этому поводу сомнѣніе: „Хоть и зачнемъ, но не удержимъ!“ сказалъ онъ. „Удержимъ,—возразилъ Голицынъ,—будь воля ваша, только надобно, написавъ, послать къ ея величеству пункты“. Эти пункты были тотчасъ же набросаны и утромъ 19 января получили окончательную редакцію. Въ чемъ же они заключались? „Пункты“, или „кондиціи“ 1730 г., представляютъ изъ себя ограничительныя условія, на которыхъ Анна должна была согласиться принять престолъ. Они были слѣдующія: I) поддерживать православную греческую вѣру; II) не вступать во вторичное супружество; III) не назначать наслѣдника престола; IV) сохранять верховный тайный совѣтъ въ составѣ 8 членовъ; V) принять слѣдующія ограниченія императорской власти въ пользу верховнаго тайнаго совѣта, а именно: безъ согласія совѣта 1) не объявлять войны; 2) не заключать мира; 3) не налагать новыхъ податей; 4) не утверждать бюджета; 5) не производить въ чины выше полковника на военной и соотвѣтствующаго чина въ гражданской службѣ и не производить назначеній на соотвѣтствующія этимъ чинамъ должности; гвардія и армія должны были находиться подъ командой верховнаго тайнаго совѣта; 6) не дѣлать назначеній даже на придворныя должности безъ утвержденія совѣта; 7) безъ суда

не отнимать жизни, чести и имѣнія у шляхетства; 8) не жаловать никому вотчинъ. Въ заключеніе этого акта была поставлена такая оговорка: „А буде чего по сему обѣщанію не исполню и не додержу, то лишена буду короны Россійской".

Отвезти Аннѣ въ Митаву извѣстіе объ избраніи на престолъ и кондиціи для подписи былъ назначенъ виднѣйшій представитель фамиліи Долгорукихъ, кн. Василій Лукичъ, котораго должны были сопровождать въ качествѣ ассистентовъ два генерала: кн. Голицынъ, третій братъ князя Дмитрія и Леонтьевъ; эта депутація тотчасъ же и отправилась въ путь. На нѣсколько дней Москва была оцѣплена войсками, и было предписано никого изъ нея не выпускать. Совѣщанія въ верховномъ тайномъ совѣтѣ относительно кондицій хранились въ глубочайшей тайнѣ.

Вдовствующая герцогиня курляндская Анна Ивановна была одною изъ тѣхъ трехъ представительницъ дома Романовыхъ, которыхъ Петръ довольно безжалостно приносилъ въ жертву своей завѣтной идеѣ, которой онъ вообще принесъ такъ много жертвъ, идеѣ пріобрѣтенія береговъ Балтійскаго моря. Путемъ брачныхъ союзовъ съ владѣтелями государствъ, расположенныхъ по его берегамъ, онъ надѣялся распространить на эти берега вліяніе Россіи. Вотъ почему онъ выдалъ замужъ двухъ племянницъ: одну за мекленбургскаго, другую за курляндскаго герцоговъ, а дочь еще при жизни сосваталъ за голштинскаго. Анна Ивановна не была счастлива въ замужествѣ; она скоро послѣ свадьбы овдовѣла. Положеніе ея въ качествѣ вдовствующей курляндской герцогини было очень незавидно: всѣ герцогскія имѣнія были заложены, такъ что ей нечѣмъ было жить и приходилось пользоваться унизительными подачками отъ петербургскаго двора, которыя удавалось выхлопотать у разсчетливаго дяди черезъ Меншикова. Передъ Меншиковымъ она должна была нерѣдко заискивать. Ея руки

искали многіе женихи изъ безземельныхъ нѣмецкихъ князьковъ, льстясь на Курляндское герцогство въ видѣ приданаго. Одно время большіе шансы стать ея вторымъ мужемъ имѣлъ принцъ Морицъ Саксонскій, побочный сынъ польскаго короля и саксонскаго курфюрста Августа, извѣстный участникъ войны за испанское наслѣдство, сражавшійся подъ знаменами Мальборо и Евгенія Савойскаго, храбрый воинъ, блестящій и беззаботный кавалеръ, сгубившій не мало сердецъ въ Парижѣ, Дрезденѣ и Вѣнѣ. Его ухаживаніе было принято очень благосклонно Анной, но проектъ этого брачнаго союза былъ разбитъ Меншиковымъ, который самъ мѣтилъ въ курляндскіе герцоги. Судьба не баловала Анну, и можно было вполнѣ разсчитывать, что она не задумается въ выборѣ между русскимъ престоломъ, хотя бы и съ ограниченной властью, и положеніемъ вдовствующей герцогини съ заложенными имѣніями. Разсчетъ былъ вѣренъ. На представленномъ ей экземплярѣ кондицій она рѣшительно написала: „По сему обѣщаю все безъ всякаго изъятія содержать. Анна“.

Но кондиціи, предложенныя Аннѣ, не представляютъ чего-нибудь цѣлаго; онѣ являются только наскоро набросанною, казавшейся наиболѣе необходимой, частью обширно задуманнаго кн. Д. М. Голицынымъ политическаго плана, который онъ и пытался провести въ 1730 г.

Кн. Д. М. Голицынъ — одна изъ самыхъ выдающихся русскихъ личностей первой половины XVIII в. Это представитель старой русской знати, вполнѣ сознавшій необходимость сближенія съ Западомъ, но стремившійся сочетать западныя заимствованія съ освященными стариной обычаями русской жизни. Такіе люди не прочь были пойти въ школу къ иноземцамъ поучиться у нихъ тому, что считали полезнымъ и выгоднымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ были врагами всякаго рабскаго подражанія и подчиненія Западу. Вполнѣ ясно понимая превосходство надъ собою западнаго учителя и охотно входя съ нимъ

въ общеніе, Голицынъ все-таки посматривалъ на него нѣсколько свысока и, идя къ нему навстрѣчу съ любезной улыбкой, онъ, однако, не забывалъ той боярской высоты, съ которой онъ спускался къ иноземцу, и вовсе не былъ расположенъ держать себя съ нимъ съ фамильярностью Петра. Иноземецъ въ глазахъ такихъ людей былъ тѣмъ же, чѣмъ былъ иностранецъ гувернеръ въ барскомъ домѣ: его знаніямъ отдавали должное, знали ему цѣну и хорошо платили, но, тѣмъ не менѣе, считали его существомъ низшаго порядка, хотя и необходимымъ.

Кн. Дмитрій Михайловичъ происходилъ изъ семьи Голицыныхъ, извѣстной своимъ благосклоннымъ отношеніемъ къ Западу. Онъ былъ двоюроднымъ братомъ знаменитаго фаворита царевны Софьи, кн. В. В. Голицына. Всѣ лучшіе годы его жизни совпали съ преобразовательною дѣятельностью Петра, и Голицынъ сдѣлалъ обычную карьеру виднаго дѣятеля петровской эпохи, начавъ ее, впрочемъ, довольно поздно. Уже 34 лѣтъ отроду, когда онъ былъ женатъ и отецъ семейства, его послали въ числѣ прочей знатной молодежи за границу въ Италію изучать навигацкую науку. Быть-можетъ, этой зрѣлости возраста и семейному положенію онъ обязанъ былъ тѣмъ, что за границей его не привлекли приманки, на которыя такъ падки были посылаемые туда петровскіе гардемарины: трактиры, любовныя похожденія, дуэли и т. п., и которыя мѣшали многимъ изъ нихъ познакомиться съ болѣе серьезными сторонами западной жизни. Вернувшись въ Россію, Голицынъ получалъ назначенія на самыя серьезныя и отвѣтственныя должности. Въ 1701 г. онъ былъ отправленъ въ качествѣ чрезвычайнаго посла въ Константинополь. Позже, во время учрежденія губерній, онъ былъ назначенъ кіевскимъ губернаторомъ; этотъ постъ онъ и занималъ до 1719 г., до учрежденія коллегій, когда онъ былъ сдѣланъ президентомъ самой важной изъ нихъ камеръ-коллегіи.

Голицынъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, находя для научныхъ занятій досугъ отъ исполненія важныхъ административныхъ обязанностей. Въ бытность свою кіевскимъ губернаторомъ онъ съ особымъ покровительствомъ относился къ Кіевской академіи, собиралъ иногда у себя ея студентовъ, которымъ заказывалъ переводы историческихъ и политическихъ сочиненій. Владѣя нѣсколькими иностранными языками и большими средствами, онъ собралъ колоссальную для того времени библіотеку, которая находилась въ его имѣніи, извѣстномъ подмосковномъ селѣ Архангельскомъ и заключала въ себѣ до 6000 томовъ. Здѣсь находилось не мало русскихъ книгъ и рукописей историческаго и литературнаго содержанія: лѣтописей, хронографовъ, синопсисовъ, сборниковъ и т. д. и сочиненія европейскихъ политическихъ мыслителей: Макіавелли, Томазія, Гроція, Локка, Пуффендорфа и др. въ подлинникахъ и переводахъ. Позже, когда Голицынъ былъ арестованъ и заключенъ въ Шлиссельбургѣ, его драгоцѣнная библіотека вмѣстѣ со всѣмъ его имуществомъ подверглась конфискаціи, была разбита по частямъ и расхищена, и еще во второй половинѣ XIX в. у московскихъ букинистовъ можно было встрѣтить книги съ ярлычкомъ „Ex bibliotheca archangelina“. Но, стоя на высотѣ современнаго ему просвѣщенія, Голицынъ въ то же время хранилъ патріархальныя черты стариннаго московскаго боярина. Онъ былъ старшимъ въ семьѣ, и права его старшинства чтились такъ же свято, какъ въ эпоху мѣстничества. Двое его младшихъ братьевъ, изъ которыхъ одинъ былъ фельдмаршалъ, а другой—генералъ и сенаторъ, не смѣли сѣсть въ его присутствіи безъ особаго его приглашенія. Всѣ младшіе члены его дома обязаны были цѣловать у него руку. Петръ очень уважалъ, хотя и не любилъ Голицына, и охотно выслушивалъ его совѣты. Разсказываютъ, что иногда онъ заходилъ къ нему утромъ по дѣламъ запросто. Соблюдая

старину, Голицынъ имѣлъ обыкновеніе совершать очень долгую утреннюю молитву, и Петръ нерѣдко довольно долго дожидался у него въ пріемной, посылая время отъ времени его племянника посмотрѣть, скоро ли старикъ кончитъ. Царь зналъ, что Голицынъ во многомъ не одобряетъ ни его поведенія и личныхъ отношеній, ни его государственныхъ мѣропріятій, но молчалъ и прощалъ ему это, цѣня въ немъ талантливаго администратора, умнаго и широко образованнаго человѣка. Въ свою очередь, и Голицынъ умѣлъ во-время смолчать и пойти на компромиссъ: съ брезгливостью боярина-аристократа онъ смотрѣлъ на второй бракъ Петра съ лифляндской плѣнницей и на его отношенія къ иноземцамъ, но мирился съ обстоятельствами и далъ волю своему языку только съ того момента, когда языкъ Преобразователя былъ разбитъ параличомъ, съ минуты его кончины, когда Голицынъ выступилъ съ кандидатурой Петра II на совѣщаніи о престолонаслѣдіи.

Ко времени его президентства въ камеръ-коллегіи относится начало его знакомства съ иностранцемъ Фикомъ, знатокомъ государственнаго права, приглашеннымъ на русскую службу со спеціальною цѣлью устройства по иностраннымъ образцамъ русскихъ центральныхъ и областныхъ административныхъ учрежденій. Когда было рѣшено заимствовать для Россіи эти учрежденія изъ Швеціи, Фику дана была командировка въ Швецію для описанія шведскаго государственнаго устройства. Оттуда онъ вывезъ цѣлый ворохъ бумагъ, посвященныхъ описанію различныхъ шведскихъ учрежденій. Многія изъ этихъ рукописей были переданы Фикомъ Голицыну. Послѣдній очень часто приглашалъ его къ себѣ и по цѣлымъ часамъ бесѣдовалъ съ нимъ о политическихъ вопросахъ вообще и о шведскомъ государственномъ устройствѣ въ частности. Это знакомство со шведскими порядками отразилось на содержаніи представленныхъ Аннѣ кондицій, на которыхъ замѣтно вліяніе двухъ шведскихъ

государственныхъ актовъ, по времени очень близкихъ къ 1730 г., а именно: „Формы правленія“ и „Королевской присяги Фридриха I“. Самыя условія, при которыхъ были изданы эти акты въ Швеціи, нѣсколько походили на русскія событія 1730 г. Въ концѣ XVII в. предшественникъ Карла XII, Карлъ XI произвелъ въ государствѣ реформы въ самодержавно-бюрократическомъ духѣ. Въ этомъ же направленіи дѣйствовалъ и Карлъ XII, но его опрометчивая, разстроившая государство, политика вызвала въ обществѣ реакцію противъ самодержавной власти. По смерти Карла XII на престолъ была возведена его сестра Ульрика-Элеонора, которой сеймъ и предложилъ ограничительныя условія (1719 г.). Ульрика согласилась, а на другой годъ, при вступленіи на шведскій престолъ ея мужа, герцога Гессенъ-Кассельскаго Фридриха, эти ограничительныя условія были еще расширены. Они и заключаются въ упомянутыхъ двухъ актахъ. Ихъ содержаніе по изслѣдованіямъ историковъ, шведскаго Іерне и нашего П. Н. Милюкова оказывается очень сходнымъ съ пунктами 1730 г. Несомнѣнно, что бесѣдамъ съ Фикомъ слѣдуетъ въ значительной степени приписать возникновеніе у Голицына и болѣе обширнаго плана конституціонной реформы по шведскому образцу.

До времени, однако, Голицынъ не выступалъ со своимъ планомъ, довольствуясь тѣмъ, что по смерти Петра онъ оказался руководителемъ направленія, во многомъ несогласнаго съ направленіемъ Петра и приведшаго къ пересмотру и даже къ отмѣнѣ многихъ заведенныхъ Преобразователемъ порядковъ и учрежденій. Въ январѣ 1730 г. минута показалась ему удобной для осуществленія его идей и, отправивъ къ Аннѣ для подписи кондиціи, представляющія изъ себя только конспектъ его плана, онъ внесъ этотъ послѣдній во всемъ его объемѣ на разсмотрѣніе верховнаго тайнаго совѣта. Планъ этотъ разсматривался совѣтомъ въ строжайшей тайнѣ, въ от-

сутствіе даже управляющаго дѣлами совѣта, такъ что въ его офиціальныхъ протоколахъ слѣдами этого обсужденія остались лишь замѣтки: „Потомъ совѣтовали между собою секретно“ или: „Имѣли разговоры секретные“. Планъ этотъ заключался въ слѣдующемъ:

Императрица неограниченно и безконтрольно распоряжается только деньгами, назначенными на ея содержаніе, при чемъ размѣръ этого содержанія опредѣленъ въ 500 тысячъ рублей ежегодно. Она имѣетъ команду лишь надъ отрядомъ гвардіи, назначеннымъ для ея личной охраны, и надъ дворцовыми караулами.

Верховную власть она раздѣляетъ съ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, состоящимъ изъ 10—12 членовъ изъ знатнѣйшихъ фамилій. Императрицѣ принадлежитъ лишь предсѣдательство въ совѣтѣ съ двумя, а по другимъ извѣстіямъ съ тремя голосами. Иноземцы, за исключеніемъ Остермана, въ число членовъ совѣта не допускаются (здѣсь сказался взглядъ кн. Дмитрія Михайловича на иностранцевъ). Вѣдѣнію совѣта подлежатъ важнѣйшія государственныя дѣла: объявленіе войны, заключеніе мира и союзовъ, назначеніе на высшія государственныя должности, командованіе войсками и распоряженіе финансами государства. Командованіе войсками верховный тайный совѣтъ осуществляетъ при посредствѣ двухъ фельдмаршаловъ, а финансовое управленіе—при посредствѣ государственнаго казначея, отдающаго отчетъ совѣту.

Вторымъ государственнымъ учрежденіемъ по проекту Голицына является сенатъ изъ 30—36 членовъ. Онъ ведетъ текущія дѣла, предварительно разсматриваетъ дѣла, поступающія на разсмотрѣніе верховнаго тайнаго совѣта. Наконецъ онъ представляетъ изъ себя высшую судебную инстанцію.

Рядъ высшихъ государственныхъ учрежденій замыкаютъ собою въ проектѣ Голицына двѣ представительныя палаты: палата шляхетства изъ 200 членовъ и палата городскихъ представителей по два отъ каждаго го-

рода. Какія полномочія и какой объемъ власти проектировался для нихъ Голицынымъ—судить трудно. Палата шляхетства охраняетъ права этого сословія въ случаѣ нарушенія ихъ совѣтомъ; но какимъ именно путемъ она могла дѣйствовать въ подобныхъ случаяхъ — это неясно. Палата городскихъ представителей вѣдаетъ торговыя дѣла и интересы простого народа.

Таковъ былъ проектъ кн. Д. М. Голицына. Нельзя не признать этой конституціи, если сравнивать ее съ современными намъ конституціями, довольно неясной. Нѣкоторая доля неясности проекта должна быть, конечно, отнесена на счетъ тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ мы почерпаемъ о ней свѣдѣнія,—все это донесенія иностранныхъ резидентовъ, которымъ удавалось добывать свои свѣдѣнія изъ разговоровъ, сплетенъ и слуховъ. Тѣмъ не менѣе, въ значительной степени своею недостаточной опредѣленностью проектъ обязанъ недостаточной опредѣленности самыхъ политическихъ понятій эпохи. Въ немъ мы не найдемъ никакого расчлененія понятія верховной власти, никакихъ опредѣленій власти законодательной, судебной и исполнительной, ни органовъ для дѣйствія каждой. Но вѣдь самая теорія раздѣленія властей, сообщившая такую стройность позднѣйшимъ конституціямъ, до извѣстнаго труда Монтескье не была и сама ясно сознаваема. Вліяніе шведскаго государственнаго устройства, какимъ оно было въ XVII в. до проведенія Карломъ XI самодержавной реформы, отразилось замѣтно на проектѣ. Верховный тайный совѣтъ и сенатъ проекта соотвѣтствуютъ пяти высшимъ сановникамъ и государственному совѣту въ Швеціи, а его двѣ сословныя палаты напоминаютъ представительство сословій на шведскомъ сеймѣ. Проектъ кн. Голицына при всей его угловатости и неясности нельзя упрекать, однако, въ одномъ: въ узкой сословной исключительности. Какъ видимъ, въ немъ было допущено представительство двухъ классовъ народа: дворянства и купечества. О представительствѣ

крестьянскаго сословія, конечно, не могло быть и рѣчи при тѣхъ успѣхахъ, какіе дѣлало крѣпостное право въ XVIII ст.

II.

Однако дѣйствія верховнаго тайнаго совѣта встрѣчены были сильнымъ несочувствіемъ. Вообще верховный тайный совѣтъ не пользовался въ обществѣ симпатіями, хотя и одушевленъ былъ самыми благими намѣреніями, имѣвшими цѣлью—облегченіе низшихъ классовъ отъ слишкомъ тяжелаго бремени податей и повинностей, падавшаго на нихъ при Петрѣ. Большинство въ совѣтѣ составляли представители фамиліи Долгорукихъ, давшей нѣсколько талантливыхъ и видныхъ дѣятелей въ XVIII вѣкѣ, отличавшейся образованностью, но во время разсматриваемыхъ событій крайне непопулярной. Какихъ только слуховъ не ходило о нихъ въ Москвѣ въ дни, слѣдовавшіе за кончиною Петра II! Ихъ обвиняли въ томъ, что они не заботились о здоровьѣ императора и не приняли мѣръ къ его излѣченію. Тогда же распространились слухи о составленіи ими подложнаго завѣщанія въ пользу княжны-невѣсты, которое, дѣйствительно, и было ими составлено. Его подписалъ братъ невѣсты, фаворитъ Петра II, князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій, умѣвшій хорошо подписываться подъ руку императора. Послѣ неуспѣха заявленія объ этомъ завѣщаніи въ верховномъ тайномъ совѣтѣ оно было сожжено. Разсказывали далѣе, что въ самую минуту кончины императора кн. Иванъ Алексѣевичъ пытался произвести государственный переворотъ въ пользу сестры, выбѣжалъ къ окружавшему Лефортовскій дворецъ народу съ обнаженной саблей и закричалъ: „Да здравствуетъ императрица Екатерина!“ Наконецъ разсказывали о послѣдней отчаянной попыткѣ Долгорукихъ возвести княжну Екатерину на престолъ: ее будто бы обвѣнчали съ трупомъ почившаго императора.

Самая тайна, которой верховный тайный совѣтъ окружалъ свои дѣйствія, возбуждала подозрѣнія. Благодаря ей разсказы объ олигархическихъ стремленіяхъ верховниковъ получили такую узкую окраску. Противъ личности избранной императрицы никто не спорилъ. Но говорили по свидѣтельству современника и одного изъ виднѣйшихъ участниковъ событій знаменитаго впослѣдствіи историка Татищева, что избраніе должно было быть произведено согласіемъ всѣхъ подданныхъ, представленныхъ частью „персонально“, а частью черезъ повѣренныхъ, какъ такой порядокъ во многихъ государствахъ учрежденъ, а не четырьмя или пятью лицами, „какъ-то нынѣ весьма непорядочно учинено“. Въ публику стали проникать смутныя извѣстія о дальнѣйшихъ занятіяхъ верховнаго тайнаго совѣта, послѣдовавшихъ за избраніемъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ въ своей запискѣ о событіяхъ этого времени разсказываетъ, что въ извѣстной части дворянства было намѣреніе заявить совѣту, что „затѣйки ихъ — не тайна; всѣмъ извѣстно, что они строятъ; не малая вина однимъ и немногимъ государства составъ передѣлывать, и хотя бъ они преполезное нѣчто усмотрѣли, однакожъ скрывать то передъ другими, а наипаче и правительствующимъ особамъ не сообщать непріятно то и смрадно пахнетъ“.

Случайно въ Москвѣ какъ разъ въ то время, когда члены верховнаго тайнаго совѣта выступили съ своимъ проектомъ ограниченія царской власти, образовалась враждебная имъ среда, въ которой извѣстіе о каждомъ ихъ шагѣ возбуждало подозрѣніе, а каждый слухъ объ ихъ корыстныхъ замыслахъ находилъ себѣ горячую вѣру. Этою средой было съѣхавшееся въ Москву со всей Россіи шляхетство. По случаю назначенной на 19 января свадьбы императора въ Москвѣ собралась большая часть генералитета, знати, гвардейскихъ и армейскихъ офицеровъ и даже отставного шляхетства. Однихъ штабъ и оберъ-офицеровъ присутствовало въ Москвѣ около 2.000.

Подъ различными проектами, которые были поданы разными группами этого шляхетства, подписалось около 1.100 человѣкъ. Вся эта шляхетская масса не была спокойной. Открывшійся вопросъ о престолонаслѣдіи далъ толчокъ къ ея волненію и подалъ поводъ обнаружить тѣ интересы, которые ее занимали. То были общіе вопросы государственнаго права, изъ-за которыхъ, однако, довольно ясно сквозили и спеціальные сословные интересы. Дворянство разбивалось на кружки, собиравшіеся у наиболѣе видныхъ его членовъ, иногда по ночамъ, и до разсвѣта обсуждавшіе политическія темы. Такъ, на одномъ изъ собраній у сенатора Новосильцева, гдѣ присутствовалъ Татищевъ, описавшій это собраніе, разсуждали и спорили о томъ, къ кому переходитъ верховная власть въ случаѣ смерти государя, не оставившаго наслѣдника, при чемъ Татищевъ предложилъ и отвѣтъ на этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что по „естественному праву она должна перейти къ „общенародію“. Къ тому же общенародію, какъ было установлено на этомъ собраніи, переходило и право избранія новаго государя; равнымъ образомъ и право совершать всякаго рода реформы въ государственной организаціи и устанавливать ту или иную форму правленія. Подвергались разбору и оцѣнкѣ и различные виды государственныхъ формъ: монархія, аристократія и демократія, а вмѣстѣ съ тѣмъ обсуждался и вопросъ, которая изъ этихъ формъ наиболѣе пригодна для Россіи. Поводъ къ такимъ обсужденіямъ общихъ вопросовъ политическаго характера давали также и слухи о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ верховнаго тайнаго совѣта. Его дѣйствія въ это время подвергались самой страстной критикѣ. Правда, среди дворянства находились люди, вполнѣ довольные пунктами, поставленными Аннѣ совѣтомъ. Во время описываемыхъ событій пріѣхалъ изъ Москвы въ Казань нѣкій бригадиръ Козловъ и вотъ какой разговоръ имѣлъ онъ вскорѣ по пріѣздѣ съ казанскимъ губернаторомъ:

„Теперь у насъ прямое правленіе государства стало порядочное, какого нигдѣ не бывало ...и уже больше Бога не надобно просить, кромѣ чтобы только между главными согласіе было. Есть нѣкоторые бездѣльники, которые трудятся и мѣшаютъ, однакожъ ничего не сдѣлаютъ; а больше всѣхъ мудрствуетъ съ своею партишкою кн. Алексѣй Михайловичъ (Черкасскій), однакожъ ничего не успѣваютъ и не сдѣлается. И о государынѣ такъ положено, что хотя въ маломъ въ чемъ не такъ будетъ поступать, какъ ей опредѣлено, то ее, конечно, вышлютъ назадъ въ Курляндію, и для того будь она довольна тѣмъ, что она государыня россійская; полно и того. Ей же опредѣляютъ на годъ 100.000, и тѣмъ ей можно довольной быть; понеже дядя ея императоръ и съ теткой ея довольствовался только 60.000 въ годъ, а сверхъ того не повинна она брать себѣ ничего, развѣ съ позволенія верховнаго тайнаго совѣта; также и деревень никакихъ, ни денегъ не повинна давать никому и не токмо того, ни послѣдней табакерки изъ государевыхъ сокровищъ не можетъ себѣ вовсе взять, не только отдавать кому, а что надобно ей будетъ, то будутъ давать ей съ росписками... И что она сдѣлана государынею, и то только на первое время, помазка по губамъ“.

Но людей такого образа мыслей было немного. Масса собравшагося дворянства была настроена крайне враждебно относительно верховнаго тайнаго совѣта, образъ дѣйствій котораго внушалъ ему тревогу. „Жалостное же вездѣ по городу видѣніе стало и слышаніе,— разсказываетъ свидѣтель-очевидецъ и также участникъ событій Ѳеофанъ Прокоповичъ, „куда ни придешь, къ какому собранію ни пристанешь, не иное что было слышать, только горестныя нареканія на осмеричныхъ оныхъ затѣйщиковъ; всѣ ихъ жестоко порицали, всѣ проклинали необычное ихъ дерзновеніе, несытое лакомство и властолюбіе. И вездѣ, почитай, въ одну рѣчь говорено, что если по желанію оныхъ головъ сдѣлается, то крайнее

всему отечеству настоитъ бѣдство. Самимъ имъ господамъ нельзя быть долго съ собою въ согласіи: сколько ихъ есть человѣкъ, чуть ли не только явится атамановъ междоусобныхъ браней, и Россія возымѣетъ скаредное оное лицо, каковое имѣла прежде, когда на многія княженія расторгнена бѣдствовала". Что Ѳеофанъ, свидѣтель небезпристрастный, не преувеличивалъ, однако, мазковъ рисуемой имъ картины настроенія дворянства, видно изъ другихъ, вполнѣ подтверждающихъ его показанія свидѣтельствъ. Польско-саксонскій посланникъ при русскомъ дворѣ Лефортъ доносилъ своему правительству почти буквально то же самое. „Новый образъ правленія,— пишетъ онъ,—составленный вельможами, даетъ поводъ къ волненію въ мелкомъ дворянствѣ; среди него слышатся подобнаго рода разговоры: „Кто же намъ поручится, что со временемъ вмѣсто одного государя не явится столько тирановъ, сколько членовъ въ верховномъ тайномъ совѣтѣ и что они своими притѣсненіями не увеличатъ нашего рабства? У насъ нѣтъ установленныхъ законовъ, которыми могъ бы руководиться совѣтъ; если его члены сами станутъ издавать законы, они во всякое время могутъ ихъ уничтожить, и въ Россіи начнется анархія!"

Сливаясь въ единодушной враждѣ къ верховному тайному совѣту, собравшаяся масса шляхетства не была, однако, согласна въ своихъ желаніяхъ относительно будущаго. Она распадалась на двѣ группы, рѣзко различавшіяся выставленными ими программами. Одна изъ нихъ, которую можно назвать консервативной, желала сохраненія существовавшаго самодержавнаго строя. Съ нею въ близкомъ союзѣ было высшее духовенство съ Ѳеофаномъ во главѣ, а ея тайнымъ руководителемъ являлся Остерманъ, умѣвшій во-время болѣть и не показывавшійся на засѣданіяхъ совѣта, когда тамъ обсуждался голицынскій проектъ реформы. Онъ уже успѣлъ дать понять этой партіи, что всѣ тѣ льготы и преиму-

щества, которыя обѣщаетъ дворянству верховный тайный совѣтъ, оно можетъ гораздо надежнѣе получить отъ императрицы, если поддержитъ ея самодержавную власть.

Другая и притомъ весьма внушительная по числу голосовъ партія выступила съ рядомъ конституціонныхъ проектовъ и проводила мысль о созданіи разнаго рода государственныхъ учрежденій, которыми окружалась власть императрицы. Робко и несмѣло эти партіи обозначили свое существованіе въ засѣданіи высшихъ государственныхъ сановниковъ 2 февраля 1730 г. 1 февраля возвратился изъ Митавы въ Москву одинъ изъ трехъ членовъ депутаціи, отправленной къ Аннѣ съ пунктами, генералъ Леонтьевъ. Онъ привезъ подписанный Анною экземпляръ пунктовъ и письмо, въ которомъ она извѣщала, что принимаетъ престолъ и будетъ править во всемъ согласно съ пунктами. На слѣдующій день были приглашены въ верховный тайный совѣтъ высшія учрежденія имперіи: сенатъ и синодъ, а также и генералитетъ, т.-е. особы первыхъ четырехъ классовъ. Разносившіе повѣстки сообщали приглашаемымъ, что на этомъ собраніи „и о государственномъ правленіи совѣтовать будутъ“. Дѣйствительно, по открытіи засѣданія въ 9 час. утра были прочтены письмо Анны и текстъ пунктовъ. Затѣмъ кн. Д. М. Голицынъ сказалъ рѣчь, въ которой, однако, не открывалъ ничего опредѣленнаго относительно своего плана и только въ туманныхъ фразахъ выражалъ увѣренность, что всѣ собравшіеся, какъ дѣти отечества, будутъ искать пользы и благополучія государству“. Чтеніе письма и пунктовъ и эта рѣчь Голицына была встрѣчена собравшимися гробовымъ молчаніемъ, которое поразило даже верховный тайный совѣтъ. Разумѣется, совѣту враждебное настроеніе къ нему дворянскихъ кружковъ не было неизвѣстно; онъ даже ожидалъ вооруженнаго нападенія со стороны наиболѣе горячей части дворянства: не даромъ всѣ коридоры, входы и переходы дворца были заняты во время засѣ-

данія 2 февраля отрядами войскъ. Но все же молчаніе, послѣдовавшее за чтеніемъ, было слишкомъ неловкимъ. Видъ войскъ устрашалъ собравшихся. „Никого, почитай,— пишетъ объ этой сценѣ Ѳеофанъ,—кромѣ верховныхъ не было, кто бы таковая слушавъ не содрогнулся, и сами тіи, которые всегда великой отъ сего собранія пользы надѣялись, опустили уши, какъ бѣдные ослики; шептанія нѣкая во множествѣ ономъ прошумливали, а съ негодованіемъ откликнуться никто не посмѣлъ. И нельзя было не бояться, понеже въ палатѣ оной по переходамъ въ сѣняхъ и избахъ многочисленное стояло вооруженное воинство. И дивное было всѣхъ молчаніе! Сами господа верховные тихо нѣчто одни другимъ пошептывали и, остро глазами посматривая, притворялись, будто бы и они яко невѣдомой себѣ и нечаянной вещи удивляются. Одинъ изъ нихъ только кн. Д. М. Голицынъ часто похаркивалъ: „Видите де, какъ милостива государыня! И какого мы отъ нея надѣялись, таковое она показала отечеству нашему благодѣяніе! Богъ ее воздвигнулъ къ писанію сему: отселѣ счастливая и цвѣтущая Россія будетъ“. Сія и симъ подобная до сытости повторялъ. Но понеже упорно всѣ молчали и только одинъ онъ кричалъ, нарекать сталъ: „Для чего никто ни единаго слова не проговоритъ? Изволили бы сказать, кто что думаетъ, хотя и нѣтъ де ничего другого говорить, только благодарить столь милосердой государынѣ“. На это приглашеніе изъ толпы собранія послышались два робкіе голоса. Одинъ изъ присутствовавшихъ, очевидно, изъ консервативной группы дворянства, замѣтилъ: „Не вѣдаю и весьма чуждуся, отчего на мысль пришло государынѣ такъ писать?“ Верховный тайный совѣтъ ничего не отвѣтилъ. Другой голосъ принадлежалъ руководителю конституціонной партіи дворянства, кн. А. М. Черкасскому, который спросилъ: „Какимъ образомъ впредь то правленіе быть имѣетъ?“ Убѣдившись воочію въ крайне враждебномъ настроеніи дворянства къ пла-

намъ верховнаго тайнаго совѣта, князь Дмитрій Михайловичъ понялъ, что надо было пойти на уступки дворянству. Такой уступкой и звучалъ его отвѣтъ кн. Черкасскому. Отъ имени совѣта Голицынъ предложилъ дворянству написать свой проектъ и подать на другой день. Очевидно, совѣту было хорошо извѣстно, что среди конституціонной партіи дворянства существовали свои планы государственнаго переустройства, расходившіеся съ его проектомъ. Ясный отвѣтъ на существованіе этихъ шляхетскихъ проектовъ верховный тайный совѣтъ и увидѣлъ въ вопросѣ кн. Черкасскаго.

Кружокъ Черкасскаго, не откладывая ни минуты, принялся въ тотъ же день за окончательное редактированіе, безъ сомнѣнія, ранѣе заготовленнаго плана, надъ чѣмъ работалъ всю ночь, собравшись у сенатора Новосильцева. Разсмотримъ его содержаніе. Проектъ Черкасскаго или Татищева, какъ его называютъ по имени лица, принявшаго въ его составленіи наиболѣе дѣятельное участіе, предлагаетъ упразднить существующій верховный тайный совѣтъ,—изъ этого можно видѣть, отъ какой враждебной совѣту группы онъ исходитъ. Высшее управленіе государствомъ сосредоточивается въ трехъ органахъ; они слѣдующіе: во-первыхъ, *Высшее правительство*, или сенатъ изъ 21 члена; въ составъ сената входитъ и наличный составъ тайнаго совѣта. Этой палатѣ предоставлена законодательная власть, вопросъ о которой въ проектѣ Татищева болѣе разработанъ, чѣмъ въ проектѣ Голицына. Въ немъ ясно проведена мысль объ ограниченіи права императорской власти издавать законы. „Сочиненіе закона одному повѣрить невозможно, — говоритъ Татищевъ,— какъ бы этотъ одинъ ни былъ искусенъ и лишенъ всякой страсти“. Законодательный порядокъ устанавливается проектомъ слѣдующій: проектъ закона вырабатывается въ соотвѣтствующей коллегіи и затѣмъ вносится въ Высшее правительство, гдѣ и обсуждается. Для обращенія принятаго высшимъ правительствомъ проекта въ законъ

требуется утвержденіе со стороны императорской власти.

Вторая палата состоитъ изъ 100 персонъ и работаетъ двоякимъ образомъ: ея засѣданія раздѣляются на постоянныя и періодическія. Для постоянныхъ засѣданій, въ которыхъ ведутся текущія дѣла, эта палата расчленяется на три отдѣленія, засѣдающія каждое въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ. Во время постоянныхъ засѣданій эта палата носитъ названіе *Нижняго правительства*. Три раза въ годъ созывается полное собраніе всѣхъ ста членовъ палаты; кромѣ того ея полное собраніе созывается въ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ, напр., при объявленіи войны, въ случаѣ кончины государя и т. п. Въ своемъ полномъ собраніи вторая палата носитъ уже особое названіе *Высшаго собранія*.

Соединенное присутствіе этихъ двухъ палатъ, сената и высшаго собранія даетъ третій высшій органъ, который можно назвать *избирательнымъ собраніемъ*. Это избирательное собраніе назначаетъ какъ членовъ двухъ палатъ: сената и нижняго правительства, такъ и кандидатовъ на всѣ высшія государственныя должности по 3 на каждую, при чемъ выборъ изъ этихъ кандидатовъ предоставленъ императрицѣ. Къ выборамъ кандидатовъ по высшему гражданскому управленію приглашаются въ избирательное собраніе всѣ наличные президенты коллегій. Къ выборамъ кандидатовъ на высшія военныя должности приглашается весь наличный генералитетъ. Таковы государственныя учрежденія по проекту Татищева.

Конституціонная партія дворянства не осталась, однако, единой; она, въ свою очередь, раздѣлилась. За изложенный проектъ Татищева стояло меньшинство конституціоннаго дворянства; подъ нимъ подписалось всего только 288 человѣкъ. Большинство не хотѣло итти такъ далеко въ своихъ политическихъ требованіяхъ и такъ рѣзко разрывать съ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, и это примирительное настроеніе конституціоннаго дворянскаго

большинства отразилось въ трехъ проектахъ тождественнаго содержанія, извѣстныхъ подъ названіемъ проектовъ Секіотова, Алабердеева и Максима Грекова, по именамъ тѣхъ лицъ, чьи подписи стоятъ подъ проектами первыми. Подъ этими проектами всего насчитывается 743 подписи. Въ нихъ предлагается сохранить верховный тайный совѣтъ, доведя число его членовъ до 21. За верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, или *Высшимъ правительствомъ*, сохраняется верховная правительственная и судебная власть; *Нижнимъ правительствомъ* въ этихъ проектахъ является сенатъ, состоящій изъ 11 членовъ и ведущій текущія дѣла. Кромѣ этихъ проекты большинства устанавливаютъ еще слѣдующіе органы власти: *избирательное собраніе* изъ 100 человѣкъ, состоящее изъ генералитета и шляхетства, которое назначаетъ членовъ вышняго и нижняго правительствъ, президентовъ коллегій и губернаторовъ, и *учредительное собраніе*, состоящее изъ всѣхъ трехъ предыдущихъ коллегій, вмѣстѣ взятыхъ. Послѣднему принадлежитъ власть измѣнять государственную конституцію въ тѣхъ случаяхъ, когда это потребуется.

Кромѣ указанныхъ выше проектовъ ихъ сохранилось еще восемь. Эти послѣдніе принадлежатъ небольшимъ общественнымъ группамъ, какъ проектъ тринадцати (по числу находящихся подъ нимъ подписей) или проектъ двадцати пяти,—проектъ Колычева, подписанный пятью, проектъ Матюшкина, подписанный 15-ю лицами. Проектъ Мусина-Пушкина представляетъ изъ себя его личное мнѣніе. Это количество проектовъ и это раздѣленіе дворянства на группы показываетъ, съ какимъ живымъ интересомъ обсуждались въ 1730 г. въ его средѣ конституціонные вопросы. Не станемъ останавливаться подробно на изложеніи всѣхъ этихъ проектовъ; замѣтимъ, что одинъ изъ нихъ примыкаетъ къ мнѣнію меньшинства, требуя уничтоженія верховнаго тайнаго совѣта, а для выработки плана государственныхъ учрежденій пред-

лагаетъ созваніе общедворянскаго *сейма* съ учредительнымъ характеромъ. Остальные сходны въ общихъ чертахъ съ проектами большинства, представляя изъ себя лишь незначительныя варіаціи на общую главную тему, и различаются между собою въ такихъ частностяхъ, какъ число членовъ и проектируемыхъ учрежденій. Во всѣхъ проектахъ одинъ и тотъ же запасъ политическихъ понятій, которыя пускаются въ оборотъ, и одинъ и тотъ же уровень политическаго развитія.

Такимъ образомъ, все дворянство, принимавшее участіе въ событіяхъ 1730 г., разбилось на двѣ группы: консервативно-самодержавную, желавшую уничтожить верховный тайный совѣтъ и сохранить самодержавіе, не обставляя его какими-либо новыми учрежденіями, и конституціонную, проектировавшую новыя учрежденія, которыя должны были быть проводниками участія дворянства въ управленіи страной. Въ этой конституціонной партіи можно замѣтить двѣ группы: радикальное меньшинство и умѣренное большинство, при чемъ эти политическіе оттѣнки, радикализмъ и умѣренность, не совпадали въ разбираемомъ случаѣ съ тѣми соціальными слоями, съ которыми они обыкновенно совпадаютъ: къ радикальному меньшинству принадлежалъ высшій слой дворянства — знать и генералитетъ, къ большинству къ умѣреннымъ—низшее шляхетство. Обѣ группы проектировали ввести въ составъ высшихъ государственныхъ учрежденій сточленную палату представителей шляхетства, но расходились въ томъ мѣстѣ, которое она должна была занять. Меньшинство уничтожало верховный тайный совѣтъ, замѣняя его сенатомъ, и отводило сточленной палатѣ, кромѣ избирательной функціи, еще и завѣдываніе текущими государственными дѣлами. Большинство сохраняло совѣтъ, сточленная палата являлась съ избирательными функціями и въ чрезвычайныхъ случаяхъ входила въ составъ учредительнаго собранія. Эта сточленная палата, долженствовавшая быть проводникомъ

дворянскихъ интересовъ, не была изобрѣтеніемъ проектовъ 1730 г. Проекты исходили здѣсь изъ недавней политической дѣйствительности. Такая палата изъ 100 дворянъ съ избирательными функціями была учреждена и отчасти дѣйствовала при Петрѣ Великомъ, не успѣвъ, впрочемъ, получить какихъ-либо законченныхъ формъ. Ее-то и воскрешали теперь дворянскіе проекты.

Далѣе, меньшинство проектировало три высшихъ органа: 1) сенатъ, 2) сточленная палата, 3) избирательное собраніе, состоящее изъ первыхъ двухъ вмѣстѣ, большинство проектировало ихъ четыре: 1) верховный тайный совѣтъ, 2) сенатъ, 3) сточленная палата, какъ избирательное собраніе, 4) учредительное собраніе, состоящее изъ первыхъ трехъ вмѣстѣ. Наконецъ въ проектахъ мы находимъ одну оговорку относительно избирательнаго права, вызванную злобой дня: вводится ограниченіе числа членовъ одной и той же фамиліи въ высшихъ учрежденіяхъ. Очевидно, что этотъ параграфъ былъ направленъ противъ господства двухъ фамилій въ верховномъ тайномъ совѣтѣ.

Но реформа государственныхъ учрежденій не исчерпываетъ собою всего содержанія шляхетскихъ проектовъ 1730 г. Въ нихъ заключается также цѣлый рядъ требованій разнаго рода льготъ и преимуществъ для дворянства и для другихъ сословій общества. Дворянство говорило въ проектахъ не только о себѣ, но до нѣкоторой степени выступало представителемъ интересовъ также и другихъ общественныхъ группъ: духовенства, купечества и крестьянъ. Впрочемъ, какихъ-нибудь опредѣленныхъ мѣръ относительно этихъ сословій проекты большинства и меньшинства не содержатъ и ограничиваются лишь добрыми пожеланіями, клонящимися, главнымъ образомъ, къ улучшенію экономическаго положенія сословій. Такъ относительно духовенства проектъ Татищева высказываетъ мысль о необходимости поднять уровень его экономическаго положенія настолько, чтобы

священнослужителямъ не приходилось самимъ пахать землю и чтобы они не лишены были средствъ воспитывать дѣтей своихъ въ училищахъ. Для посадскихъ людей оба проекта, и большинства и меньшинства, настаиваютъ на необходимости облегчить казенныя повинности и избавить жителей городовъ отъ утѣсненій администраціи. Проекты шляхетства въ этомъ отношеніи уже проекта Д. М. Голицына, въ которомъ купечеству предполагалось дать нѣкоторыя политическія права въ видѣ особой палаты представителей отъ купечества. Для крестьянъ проектъ большинства требуетъ также облегченія отъ казенныхъ податей.

Для всего русскаго общества было бы въ высшей степени важнымъ и благодѣтельнымъ обезпеченіе личной и имущественной неприкосновенности, котораго требовало дворянство, нѣкотораго рода Habeas corpus. Именно, въ проектѣ меньшинства (Татищевъ) намѣчены средства къ обузданію неограниченнаго произвола политической полиціи, которая тогда вѣдалась тайной канцеляріей. Проектъ требовалъ присутствія въ этой канцеляріи двухъ депутатовъ отъ сената, избираемыхъ на мѣсячный срокъ для наблюденія надъ ея дѣйствіями. Точно такъ же требовалось присутствіе депутата изъ знатныхъ при арестахъ съ тѣмъ, чтобы такой депутатъ наблюдалъ за сохранностью имущества. Аресты въ тайной канцеляріи по политическимъ дѣламъ и политическіе процессы съ пытками, казнями и конфискаціей имуществъ возбуждали протестъ въ дворянствѣ. Существованіе тайной канцеляріи, которая „за одно неосторожно сказанное слово пытаетъ, казнитъ и неповинныхъ дѣтей, лишаетъ имѣнія“, служило аргументомъ для части членовъ татищевскаго кружка противъ самодержавія, которое, по ихъ мнѣнію, не могло обходиться безъ подобныхъ средствъ. Съ негодованіемъ эти члены говорили, что тайная канцелярія является стыдомъ Россіи передъ западными народами.

Слѣдующія требованія, встрѣчаемыя въ проектахъ, были направлены исключительно въ видахъ дворянства, какъ сословія; они относились къ устройству дворянства, какъ сословія, касались его служебнаго и экономическаго положенія. Сюда прежде всего относятся требованія объ измѣненіяхъ въ составѣ дворянства. Уже въ 1730 г. притокъ новыхъ элементовъ, демократизирующихъ сословіе, сталъ возбуждать тревогу въ высшемъ слоѣ дворянства и вызывалъ стремленіе замкнуть сословіе или, по крайней мѣрѣ, раздѣлить его на два класса: фамильное и простое. Кружокъ Татищева предлагалъ привести подлинное шляхетство въ извѣстность, составить списокъ его, въ который включить и родовое и выслужившееся шляхетство, снабженное жалованными грамотами, а неимѣющихъ такихъ грамотъ изъ него исключить. Это было требованіе высшаго чиновнаго слоя дворянства, какимъ и былъ татищевскій кружокъ, гдѣ мы встрѣчаемъ фамиліи, выдвинувшіяся службой, на ряду съ родовой аристократіей. Другое предложеніе, а именно: раздѣлить шляхетство на два класса, при чемъ выслужившійся генералитетъ отнести къ низшему, исходило изъ родовитой аристократической среды. Оно и сдѣлано въ проектѣ Мусина-Пушкина. Въ проектахъ дворянскаго конституціоннаго большинства этихъ предложеній о пересмотрѣ состава дворянства, объ ограниченіи доступа въ него и о раздѣленіи его на два класса—нѣтъ; большинство въ этомъ вопросѣ держалось, очевидно, болѣе демократическихъ взглядовъ.

Облегченіе обязательной дворянской службы — одно изъ наиболѣе общихъ требованій проектовъ 1730 г. Для этой цѣли предлагалось: ограничить обязательную службу срокомъ, освободить шляхетство отъ ея наиболѣе тяжелыхъ видовъ, напримѣръ, на корабляхъ въ матросахъ, и учредить содержимыя на казенныя средства училища, откуда дворяне могли бы быть выпускаемы прямо

офицерами, избавляясь такимъ образомъ отъ обязанности проходить службу рядовыми.

Наконецъ къ улучшенію хозяйственнаго быта средняго и мелкаго шляхетства было направлено единодушное требованіе объ отмѣнѣ извѣстнаго закона о единонаслѣдіи 23 марта 1714 г., разорительнаго, возбудившаго противъ себя сильное неудовольствіе въ дворянской средѣ и постоянно обходимаго и нарушаемаго.

III.

Когда желанія дворянства были выражены ясно въ проектахъ, поданныхъ въ верховный тайный совѣтъ, послѣдній пошелъ имъ навстрѣчу и готовъ былъ на нѣкоторыя уступки. Кн. Дмитрій Михайловичъ составлялъ въ то время проектъ „присяги“, которую подданные должны были принести Аннѣ по ея пріѣздѣ въ Москву, отложивъ пока дальнѣйшее обсужденіе своего главнаго плана. Текстъ этой присяги былъ также сокращеннымъ изложеніемъ конституціи. Въ него онъ включилъ очень многое, выраженное въ шляхетскихъ проектахъ. Онъ соглашался удовлетворить всѣ тѣ требованія, которыя относились къ сословнымъ преимуществамъ, и даже въ болѣе широкомъ размѣрѣ, чѣмъ ихъ ставило само дворянство. Въ „присягѣ“ заключался прежде всего параграфъ общаго характера съ обѣщаніемъ „все шляхетство содержать, какъ въ прочихъ европейскихъ государствахъ, въ надлежащемъ почтеніи и въ ея императорскаго величества милости и консидераціи“. Затѣмъ было въ „присягѣ“ не мало и положительныхъ преимуществъ, даруемыхъ дворянству. Его высшій слой привлекался обѣщаніемъ разграничить фамильное дворянство отъ простого и производить назначенія на высшія государственныя должности только изъ перваго; тогда какъ, съ другой стороны, новое, молодое дворянство, созданное табелью о рангахъ, Голицынъ старался успокоить обѣщаніемъ, что табель о рангахъ будетъ и впредь сохранена. Далѣе

дворянство просило объ ограниченіи обязательной службы извѣстнымъ срокомъ; Голицынъ же проектировалъ учрежденіе необязательной, добровольной службы, которая притомъ должна была начинаться прямо въ офицерскихъ чинахъ, такъ какъ отбываніе ея въ нижнихъ чинахъ онъ предлагалъ замѣнить годами ученія въ „кадетскихъ ротахъ“, учрежденіе которыхъ обѣщалось въ „присягѣ“.

Но, соглашаясь такъ охотно на дарованіе сословныхъ преимуществъ шляхетству, Голицынъ совершенно оставлялъ въ сторонѣ его политическія требованія. Верховная власть остается въ „присягѣ“ за верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, и его составъ не увеличивается. Тѣхъ учредительныхъ и избирательныхъ собраній, на которыхъ настаивало дворянство въ своихъ проектахъ и которыя должны были быть, дѣйствительно, проводниками его политическаго вліянія, „присяга“ вовсе не упоминаетъ. Кандидаты въ верховный тайный совѣтъ выбираются самимъ совѣтомъ вмѣстѣ съ сенатомъ. Все, что взято въ „присягу“ изъ политическихъ требованій шляхетства, это — правило, чтобы изъ одной и той же фамиліи впередъ не назначать въ верховный тайный совѣтъ двухъ кандидатовъ. Дальше этихъ уступокъ Голицынъ итти не соглашался.

Отказъ верховнаго тайнаго совѣта принять политическія требованія дворянства повлекъ за собою открытый разрывъ между совѣтомъ и дворянствомъ и въ то же время содѣйствовалъ сближенію обѣихъ группъ дворянства, самодержавной и конституціонной. Не слѣдуетъ вовсе представлять себѣ дѣла такъ, что обѣ эти партіи были раздѣлены такими же рѣзкими границами, какими раздѣляются развитыя и организованныя политическія партіи теперь. Обѣ группы сближались въ значительной степени тождественными сословными стремленіями, одинаково желали облегченія службы, отмѣны единонаслѣдія, большей устойчивости имущественныхъ правъ, по-

ражаемыхъ неумѣренной конфискаціей. Затѣмъ въ самыхъ политическихъ понятіяхъ и идеяхъ не было яснаго различія между неограниченной и конституціонной монархіей. Люди, въ родѣ Татищева, вырабатывали планъ окруженія монарха цѣлымъ рядомъ учрежденій, дававшихъ такую силу дворянству, что едва ли бы монархъ рѣшился предпринять хотя бы одинъ шагъ вопреки волѣ этого сословія, и такіе планы не мѣшали имъ въ то же время на дворянскихъ собраніяхъ проповѣдывать на тему: „колико самовластіе у насъ всѣхъ прочихъ полезнѣе, а прочія опасны“. Они видѣли попытку ограниченія верховной власти только въ планахъ верховнаго тайнаго совѣта и совершенно не замѣчали, что сами стремятся къ тому же, что монархъ, связанный по рукамъ и ногамъ верхнимъ и нижнимъ правительствомъ и высшимъ собраніемъ, долженъ былъ быть послушнымъ орудіемъ дворянской воли. Вотъ почему и та группа дворянства, которую мы назвали конституціонной, все время твердила, однако, о самодержавіи и противодѣйствовала верховному тайному совѣту ограничивать самодержавіе, и вотъ почему между нею и партіей, желавшей просто продолженія стараго порядка въ его прежнемъ видѣ, т.-е. самодержавія безъ всякихъ дворянскихъ органовъ, не могло быть глубокой, непереходимой пропасти.

Наконецъ личныя отношенія, страсти, надежды и разочарованія легко переводили людей того времени изъ одного лагеря въ другой. До чего быстры бывали иногда такія перемѣны убѣжденій и до чего непрочны были эти убѣжденія въ тогдашнихъ головахъ, показываетъ примѣръ Павла Ивановича Ягужинскаго, извѣстнаго петровскаго фаворита, генералъ-прокурора сената. Когда верховный тайный совѣтъ совѣщался въ ночномъ засѣданіи 19 января, въ которомъ Голицынъ высказалъ мысль объ ограниченіи самодержавія, Павелъ Ивановичъ съ сенаторами дожидался выхода членовъ совѣта и, бесѣдуя съ кн. С. Г. Долгорукимъ, дядей невѣсты Петра II

воскликалъ: „Долго ли намъ терпѣть, что намъ головы сѣкутъ? Теперь время, чтобы не быть самодержавію!“ А когда члены совѣта вышли изъ залы засѣданія, онъ тотчасъ же подлетѣлъ къ нимъ со словами: „Батюшки мои! прибавьте намъ какъ можно воли!“ Павелъ Ивановичъ надѣялся, что его пригласятъ въ члены верховнаго совѣта; но такъ какъ этого приглашенія не послѣдовало, то онъ сдѣлался отчаяннымъ врагомъ совѣта и сразу сталъ горячимъ приверженцемъ самодержавія.

Сближеніе обѣихъ группъ дворянства, самодержавной и конституціонной, вызванное одинаковой сильной враждой къ верховному тайному совѣту, привело къ паденію послѣдняго. Анна хорошо была освѣдомлена о ходѣ московскихъ событій. Несмотря на строжайшее предписаніе совѣта никого не выпускать въ теченіе нѣсколькихъ дней изъ Москвы безъ особаго его разрѣшенія, отданное тотчасъ же по кончинѣ государя, Ягужинскому удалось послать въ Митаву своего гонца — Сумарокова, который потомъ былъ арестованъ и закованъ въ кандалы прибывшей вслѣдъ за нимъ депутаціей совѣта, но, тѣмъ не менѣе, успѣлъ уже довести до свѣдѣнія Анны, что дѣйствія членовъ совѣта не находятъ себѣ сочувствія среди собравшагося дворянства. Это побудило Анну вступить въ тайныя сношенія съ руководителями самодержавной партіи. 10 февраля она прибыла въ подмосковное село Всесвятское, а 15 въѣхала въ Москву. Несмотря на то, что членъ верховнаго тайнаго совѣта, кн. В. Л. Долгорукій, стерегъ Анну, „какъ нѣкій драконъ“, по выраженію Ѳеофана, не отходя отъ нея ни на шагъ, и никого къ ней не допускалъ, приверженцы самодержавія сносились съ ней черезъ ея сестеръ и придворныхъ дамъ, прибѣгая къ разнымъ хитростямъ, чтобы извѣщать Анну о ходѣ дѣла. Разсказываютъ, напримѣръ, что ежедневно къ ней приносили сына Бирона, грудного ребенка, къ которому она питала большую нѣжность, а въ его пеленкахъ вкладывалась записка съ

послѣдними новостями. Еще только пріѣхавъ въ Всесвятское, Анна сдѣлала шагъ къ нарушенію подписанныхъ ею пунктовъ: она объявила себя полковникомъ преображенскаго полка и капитаномъ кавалергардовъ, совершенно вопреки кондиціямъ, по которымъ командованіе войсками принадлежало верховному тайному совѣту. Это не помѣшало ей, однако, на торжественномъ пріемѣ совѣта 14 февраля завѣрить его въ своемъ неизмѣнномъ намѣреніи соблюдать кондиціи.

Разрывъ верховнаго тайнаго совѣта съ дворянствомъ побудилъ Анну дѣйствовать рѣшительнѣе. Съ своей стороны и дворянство было встревожено пущенными по городу слухами о массовыхъ арестахъ, путемъ которыхъ верховный тайный совѣтъ предполагалъ лишить дворянство его наиболѣе выдающихся вождей и наиболѣе безпокойныхъ членовъ. Въ ночь на 24 февраля состоялись два большія дворянскія собранія: одно на Моховой въ домѣ кн. Барятинскаго, гдѣ собрались представители самодержавной партіи, другое на Никольской въ домѣ кн. Черкасскаго, руководителя конституціонной партіи. Оба собранія вели переговоры черезъ парламентеровъ и долго не могли прійти къ общему рѣшенію. Наконецъ всѣ собравшіеся у Барятинскаго уже поздно ночью отправились на Никольскую, гдѣ состоялось соглашеніе и была подписана челобитная императрицѣ. Весь день 24 февраля собирались подписи подъ эту челобитную. 25-го императрица, извѣщенная о составленіи челобитной, назначила аудіенцію шляхетству. На эту аудіенцію собралось въ залѣ дворца человѣкъ 150—200 шляхетства съ кн. Черкасскимъ во главѣ. Когда къ собравшимся вышла Анна въ сопровожденіи членовъ верховнаго тайнаго совѣта, Татищевъ прочелъ врученную ему Черкасскимъ челобитную государынѣ отъ шляхетства. Въ этомъ актѣ шляхетство изъявляло ей „рабскую благодарность“ за подписаніе пунктовъ, но въ то же время находило въ этихъ пунктахъ „нѣкоторыя сумнительства“, опасныя для

государства. Далѣе оно жаловалось на то, что верховный тайный совѣтъ не удостоилъ вниманія представленные отъ дворянства проекты „безопасной формы правленія государственнаго“, а отъ многихъ даже и не принялъ проектовъ. Наконецъ дворянство просило: созвать учредительное собраніе изъ генералитета, офицеровъ и представителей всего шляхетства по одному или по два представителя отъ каждой фамиліи для того, чтобы „сочинить форму правленія государственнаго“ и принятую большинствомъ поднести императрицѣ на утвержденіе. Анна, выслушавъ челобитную, совершенно растерялась. Она ожидала просьбы о возстановленіи самодержавія, а ей подали только ходатайство о созывѣ учредительнаго собранія. Но и шляхетская толпа не была единодушной. Раздавались голоса, требовавшіе возстановленія самодержавія, но раздавались и возраженія. По сохранившимся извѣстіямъ трудно составить себѣ понятіе о томъ, въ какую сторону было направлено соглашеніе, состоявшееся въ домѣ Черкасскаго. Если его выраженіемъ была прочтенная челобитная, то очевидно, что многіе изъ самодержавной партіи не были имъ довольны. Анна, принявъ челобитную, рѣшительно не знала, что дѣлать. Въ эту трудную минуту къ ней бросилась ея сестра, герцогиня Екатерина Ивановна Мекленбургская, съ чернильницей и перомъ. „Что тутъ разсуждать и раздумывать?— сказала она.—Подпиши скорѣе!“ Анна подписала на челобитной: „Учинить по сему“. Затѣмъ она выразила желаніе, чтобы дворянство тутъ же, во дворцѣ, обсудило свою челобитную и удалилось.

Въ этихъ послѣднихъ словахъ можно было видѣть намекъ на то, чего собственно императрица желаетъ. Одно обстоятельство, случившееся послѣ удаленія Анны и ухода дворянства въ комнату для совѣщаній, подчеркнуло этотъ намекъ особенно рѣзко. Въ опустѣвшей аудіенцъ-залѣ осталась группа гвардейскихъ офицеровъ, которые подняли сильный шумъ, крича, что они не

позволятъ, чтобы кто-нибудь предписывалъ императрицѣ законы, и что она должна быть такой же самодержавной, какъ и ея предки. Шумъ былъ такъ великъ, что Анна вышла опять въ аудіенцъ-залу и лично уговаривала офицеровъ. Тогда они пали къ ея ногамъ и провозгласили ее самодержавной императрицей. Происходившее въ аудіенцъ-залѣ не могло остаться тайной для засѣдавшаго въ одной изъ комнатъ по сосѣдству дворянства. Что тамъ говорилось, неизвѣстно; но дворянство вышло оттуда съ новой челобитной о принятіи самодержавія въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно находилось въ рукахъ предковъ государыни. Но даже и въ этой просьбѣ дворянство не совсѣмъ отказалось отъ своихъ политическихъ требованій. Бросивъ мысль о созывѣ шляхетскаго учредительнаго собранія, оно просило: уничтожить верховный тайный совѣтъ; возстановить сенатъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ при Петрѣ В., дополнивъ его составъ до 21 члена; предоставить шляхетству право выбирать кандидатовъ на высшія государственныя должности и, наконецъ, „установить нынѣ для предбудущихъ временъ форму правительства по усмотрѣнію императрицы“. Значитъ, ходатайствуя о возстановленіи самодержавія, дворянство не оставило мысли о необходимости переустройства высшихъ государственныхъ учрежденій; только это переустройство, которое оно желало прежде взять въ свои руки, оно предоставляло теперь усмотрѣнію императрицы.

Выслушавъ челобитную и прикинувшись удивленной, Анна спросила: „Какъ, развѣ пункты, которые мнѣ поднесли въ Митавѣ, были составлены не по желанію цѣлаго народа?“ — „Нѣтъ“, отвѣчали собравшіеся. „Такъ, значитъ, ты меня, князь Василій Лукичъ, обманулъ!“ Затѣмъ она приказала правителю дѣлъ верховнаго тайнаго совѣта Маслову принести подписанные ею въ Митавѣ пункты и „тѣ пункты“, какъ записано въ журналѣ совѣта этого дня, „ея величество при всемъ народѣ из-

волила, принявъ, разодрать". Разорванный Анной экземпляръ пунктовъ хранится теперь въ Государственномъ Архивѣ.

Таковы были не разъ разсказанныя историками событія января и февраля 1730 г., эта замѣчательная попытка государственнаго переустройства Россіи съ ограниченіемъ самодержавной власти верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, чего достигли, хотя и на короткое время, одни, или дворянскими учрежденіями, къ чему безрезультатно стремились другіе. Эта попытка не была первой, ни совсѣмъ новой. Напрягая свою историческую память, мы вызовемъ въ ней воспоминанія о другихъ подобныхъ же болѣе раннихъ стремленіяхъ боярскихъ круговъ въ Московскомъ государствѣ XVII в. Обусловленная „записью" власть поставленнаго боярами царя Василія Шуйскаго, цѣлая подробная конституція, изложенная въ договорѣ московскихъ бояръ съ Польшей о возведеніи на московскій тронъ королевича Владислава, ограниченіе власти перваго царя династіи Романовыхъ также „записью", взятою съ него при его избраніи,—вотъ факты того же порядка, предшествующіе 1730 году. Вдвигаясь въ этотъ рядъ однородныхъ событій, событія 1730 года не замыкаютъ его. Это не послѣднее конституціонное движеніе: почти черезъ сто лѣтъ спустя вспыхнетъ другое подобное и еще менѣе удачное. Мы разумѣемъ декабрьское движеніе 1825 г.

Въ этихъ трехъ движеніяхъ, раздѣленныхъ одно отъ другого столѣтіемъ, со строгою послѣдовательностью смѣняя одна другую, выступаютъ общественныя группы. Въ Смутное время конституціонныя стремленія проводило боярство, крупная землевладѣльческая аристократія. Это движеніе боярское. Но боярство падаетъ въ теченіе XVII в., мельчая и растворяясь въ дворянской массѣ. Его остаткамъ, Голицынымъ и Долгорукимъ, членамъ верховнаго тайнаго совѣта, принадлежитъ иниціа-

тива въ событіяхъ 1730 г., и они выступаютъ съ планами, очень напоминающими стремленія ихъ дѣдовъ начала XVII в. Но рядомъ съ ними очень замѣтно и вліятельно дѣйствуетъ другая группа — высшее дворянство, выступающее также съ конституціонными планами, въ которыхъ, однако, меньше политической широты и больше сословнаго интереса. Это движеніе 1730 г. можно назвать боярско-дворянскимъ. Наконецъ въ 1825 г., когда боярство совсѣмъ исчезло, иниціатива переходитъ къ высшему дворянскому кругу, который дѣйствуетъ подъ вліяніемъ одушевлявшихъ его широкихъ и возвышенныхъ идей всего менѣе въ сословныхъ интересахъ, ставя своей задачей общее благо родины. Еще менѣе, чѣмъ черезъ столѣтіе, съ тѣми же стремленіями выступятъ остатки дворянства, растворенные во всесословной интеллигентной массѣ. Это всесословное конституціонное движеніе, которое приходится намъ переживать въ наши дни.

Можно указать много сходнаго въ тѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ обстоятельствахъ, подъ вліяніемъ которыхъ происходили конституціонныя движенія начала XVII в., 1730 и 1825 годовъ. Каждому изъ нихъ предшествовалъ крупный реформаціонный періодъ, который, можетъ-быть, и давалъ толчокъ движенію. Конституціямъ Смутнаго времени предшествовала эпоха реформъ Грознаго, недостаточно до сихъ поръ оцѣненныхъ, но для своего времени имѣвшихъ едва ли меньшее значеніе, чѣмъ реформы Петра Великаго для XVIII в., задѣвшихъ всѣ стороны государственной и общественной жизни, матеріальной и духовной. Событіямъ 1730 года предшествовала реформа Петра. Наконецъ движеніе декабристовъ вырастаетъ послѣ того, правда, очень кратковременнаго реформаціоннаго направленія, какимъ отличалась первая половина царствованія Александра I. Очевидно, дѣйствіе реформы заключалось здѣсь въ томъ, что она отучала общество смотрѣть на государственный порядокъ, какъ

на нѣчто неподвижное, и пріучала къ перемѣнамъ. Конституціонное движеніе вызывалось какъ бы желаніемъ досказать недосказанное реформой слово.

На каждомъ изъ указанныхъ политическихъ движеній замѣтно западное вліяніе, являвшееся результатомъ знакомства съ европейскими порядками и идеями. Въ политическихъ идеяхъ Смутнаго времени отразились въ значительной степени польскіе политическіе порядки. Шведскіе источники указаны были выше, какъ основы политическихъ идей верховнаго тайнаго совѣта: знакомство съ западными порядками и литературой, полученное при Петрѣ дворянской молодежью высшаго круга, почти поголовно побывавшей за границей, отразилось на разсужденіяхъ дворянскихъ кружковъ и въ дворянскихъ проектахъ 1730 года. Хорошо извѣстно вліяніе французской революціи на русскую молодежь начала XIX вѣка. Войны съ Польшей при Иванѣ IV, съ Швеціей при Петрѣ и съ Франціей при Александрѣ I въ значительной мѣрѣ служили средствами знакомства съ политическими формами и идеями Запада.

Почему же конституціонное движеніе 1730 г. осталось такимъ безрезультатнымъ? Почему верховная власть оказалась раздѣленной между монархомъ и совѣтомъ только въ теченіе мѣсяца, а затѣмъ опять вернулась къ самодержавной формѣ? Причины этого явленія надо искать въ состояніи общества того времени, во взаимномъ отношеніи тѣхъ общественныхъ группъ, которыя обнаруживали активное участіе въ событіяхъ 1730 года, и въ отношеніи ихъ къ тѣмъ общественнымъ элементамъ, которые остались отъ движенія въ сторонѣ. Прежде всего не слѣдуетъ упускать изъ виду, что движеніе было только аристократическимъ, боярско-дворянскимъ, и не имѣло вовсе народнаго характера. Аристократія осталась въ немъ слишкомъ одинокой и должна была натолкнуться на народную массу, которая не могла сочувствовать дворянскимъ притязаніямъ и которую дворянство

не могло заинтересовать въ успѣхѣ своего предпріятія. Правда, въ шляхетскихъ проектахъ мы находимъ требованіе реформъ для другихъ сословій общества, но такія требованія, какъ мы видѣли, были слишкомъ туманны, чтобы привлечь къ себѣ вниманіе этихъ сословій. Въ 1730 году дворянство дѣйствовало все-таки въ сословномъ духѣ, хотя и далеко не въ томъ узкомъ направленіи, какого оно держалось впослѣдствіи во второй половинѣ XVIII в., въ эпоху извѣстной Екатерининской комиссіи для сочиненія новаго уложенія. Ставъ руководящимъ классомъ общества на мѣсто боярства, дворянство не наслѣдовало отъ него широты политическаго взгляда, которую все-таки проявляло боярство. Припомнимъ, что и послѣдній его отблескъ, которымъ оно сверкнуло, исчезая, князь Д. М. Голицынъ проводилъ гораздо болѣе широкіе взгляды сравнительно съ шляхетскими проектами: въ его планѣ политическое значеніе, предоставляемое дворянству, болѣе уравновѣшено съ политическимъ значеніемъ остальныхъ классовъ общества. По крайней мѣрѣ, тамъ палата представителей отъ городского населенія поставлена на ряду съ палатою представителей отъ шляхетства.

Дворянство обнаружило склонность воспользоваться сознанной имъ своей силой въ сословныхъ интересахъ. Главною цѣлью его требованій были сословныя выгоды и преимущества экономическія и служебныя; политическія же требованія дворянскихъ программъ имѣли значеніе только средствъ для проведенія въ жизнь требованій перваго рода. Вотъ почему эти программы не только не могли найти себѣ сочувствія въ народной массѣ, но встрѣчались ею враждебно. Купечество видѣло въ дворянствѣ опаснаго конкуррента въ торговлѣ сельско-хозяйственными продуктами и не могло желать усиленія политическаго вліянія враждебнаго класса. Крестьянство знало, что такое усиленіе дворянства повлечетъ за собою ухудшеніе крѣпостного права. Вы-

разителемъ взгляда народной массы на дворянскіе проекты 1730 года и былъ, какъ и въ иныхъ случаяхъ ранѣе, тотъ классъ, который, выходя самъ изъ этой массы, былъ еще въ XVIII в. наиболѣе развитою ея частью — духовенство, и Ѳеофанъ Прокоповичъ, съ отзывами котораго мы выше познакомились, былъ только краснорѣчивымъ выразителемъ этого взгляда.

Впрочемъ, народная масса была все-таки инертной, и дѣло приняло бы другой оборотъ, если бы дворянство дѣйствовало иначе. Но среди него не было ни достаточной опредѣленности и твердости въ идеяхъ, ни единодушія въ дѣйствіяхъ. Политическія идеи 1730 года не захватили верховъ общества, гдѣ онѣ были распространены сколько-нибудь глубоко, не сдѣлались основною принадлежностью политическихъ воззрѣній, не вели къ требованіямъ, за которыя можно было бы вступить въ упорную борьбу. Онѣ были не болѣе, какъ поверхностнымъ налетомъ, легко сдунутымъ неудачнымъ поворотомъ событій. Удовлетвореніе сословныхъ аппетитовъ оказалось способнымъ заглушить политическія желанія. Притомъ верхній слой общества раскололся. Разрывъ верховнаго тайнаго совѣта съ дворянствомъ повелъ къ разрыву Анной „пунктовъ“ 25 февраля 1730 года. Въ этомъ раздорѣ въ послѣдній разъ вскрылась вѣковая борьба между боярствомъ и дворянствомъ, зародившаяся еще въ опричнинѣ Грознаго.

Но среди самого дворянства также не было единства. Относительно реформъ, имѣвшихъ цѣлью сословныя выгоды, оно было болѣе или менѣе согласно, но оно рѣзко расходилось въ тѣхъ средствахъ, которыми два его слоя этихъ выгодъ добивались. Его верхній слой, распадавшійся, въ свою очередь, на нѣсколько не очень, впрочемъ, разнящихся между собою группъ, которыя успѣли бы столковаться, если бы событія не развертывались съ такою быстротой, считалъ необходимымъ для достиженія сословныхъ цѣлей ограниченіе самодержавія

дворянскими учрежденіями. Напротивъ, мелкопомѣстная дворянская демократія опасалась этихъ учрежденій, предоставлявшихъ вліяніе верхамъ и видѣла лучшее орудіе для осуществленія сословныхъ требованій въ самой самодержавной власти. Эта демократія, мало, можетъ-быть, представленная въ январѣ и февралѣ 1730 г. въ столицѣ, была сильна своею провинціальной массой, а кромѣ того, была сильна громкимъ крикомъ, который и произвелъ такое устрашающее дѣйствіе 25 февраля среди раздробленности, въ какой находилась конституціонная партія. Дворянская демократія явилась спасительницей самодержавія въ 1730 г., и она не ошиблась въ разсчетахъ. Въ теченіе XVIII в. она получила все, чего желала въ 1730 г., и даже болѣе того: отмѣну закона о единонаслѣдіи, облегченіе, потомъ и отмѣну обязательной службы, а затѣмъ законы, развивающіе крѣпостное право и дѣлающіе его дворянской привилегіей,—словомъ, рядъ тѣхъ мѣръ, которыя превратили дворянство изъ обязаннаго въ привилегированное сословіе. Снимая съ дворянской массы обязанности и надѣляя ее привилегіями, самодержавіе нашло въ ней болѣе, чѣмъ на сто лѣтъ, поддержку. Опираясь на низшій слой дворянства, на дворянскую демократію, оно выдержало натискъ конституціонныхъ идей первой четверти XIX в., нашедшихъ себѣ распространеніе въ высшихъ слояхъ дворянства. Но опора, на которой оно покоилось, не могла быть прочной и вѣчной, разъ что сама эта опора основывалась на рабовладѣніи, на крѣпостномъ правѣ.

Литература вопроса: *Щебальскій*. Вступленіе на престолъ императрицы Анны. „Русск. Вѣстн.“ 1859 г.; *Соловьевъ*. Исторія Россіи. Т. XIX; *Карновичъ*. Замыслы верховниковъ и челобитчиковъ „Отеч. Зап.“ 1872, I; *Корсаковъ*. Воцареніе императрицы Анны Іоанновны. *Загоскинъ*, Верховники и шляхетство. „Учен. Зап. Казанск. унив.“ 1881. *Милюковъ*. Верховники и шляхетство. Изъ исторіи русской интелигенціи 1900 г.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00028500854